

Геннадий Мещеряков

*Юмористические
рассказы*

Часть первая

Геннадий Мещеряков Юмористические рассказы. Первая часть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24309465

ISBN 9785448527005

Аннотация

Взято из нашей жизни – не выходя за околицу и без кривых зеркал. Два комментария: Вовки, соседа, – «Прикольно, офигеть...», Кузьмича, старожила села Баклуши, – «Когда читал «Эпизод с комментариями», деревянная нога чуть не отвалилась, так смеялся, и от других сочинительств дергается, прям как живая...»

Содержание

Юмористические рассказы	5
Из кусочков жизни	5
Слеза робота	12
Обменялись опытом	16
Петух-то в чем виноват?	20
И ведьмы шутят	23
Под боком у Иргиза	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Юмористические рассказы

Первая часть

Геннадий Мещеряков

© Геннадий Мещеряков, 2017

ISBN 978-5-4485-2700-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Юмористические рассказы

Из кусочков жизни

(Письмо маме)

Я пишу это письмо в картинках, думаю, так лучше и понятней тебе. Ушел я из деревни, от нужды, покрывшей ее саваном. Из каждого окна выглядывает нищета. Даже петухи невесело приветствуют восход солнца. И ты, мама, крутишься, как белка в колесе, но той хоть орешки дают. А когда моему соседу Витьку отец подарил скутер, я знаю, ты всю ночь проплакала. Не плачь мама, теперь мне в школу не идти и ботинок мне не надо. Масла в огонь добавили библиотечарши, когда, не видя меня, а я остр на уши, сокрушались, что нет панели в деревне, и хоть в петлю. Учителем мне теперь стала сама жизнь.

Картина первая

Горбатый

Райцентр смешной. Дома, как и у нас в деревне. Одна телевизионная мачта торчит. Словно штопальная игла. Торчит мачта бесполезно, опустив уши-тарелки. Через спутник теперь телепередачи идут. Люди тоже смешные. Половина, и бабы, ходят в трусах, даже белых. Пузо не прикрывают,

а у одной рыжей девки, кольцо в пупке, как у нашего деревенского быка. Что их тоже на цепь сажают? Если золотое кольцо, то слободно можно дернуть и убежать. Но чужого мне не надо, хоть и своего нет. Прикольно, совсем у меня ничего нет.

На базаре меня подозвал к себе, не поверишь, верблюд. Мужик был горбатый, а голова, что те у жеребца Седого из конюшни нашего Гитлера. Только с челкой. И он все время плевался, так как жевал табак.

– Ты чей? – спрашивает. – Все время здесь ошиваешься.

– Был мамин, сейчас ничей. В бегах я.

– Помоги мне тогда загрузить товаром тележку.

А знаешь, мама, какой у него товар?словно с плантации нашего фермера Скупого. Огурцы там разные, дыни с тыквой. Потом впрягся в тележку и тащил ее через весь город. Лошадь меньше устает.

Горбатый накормил меня супом и сразу прогнал. Пошел дождь. У нас все лето его не было, а тут словно из ведра опять окатила Сонька. Знаешь ты ее. В маленьком домике у речки живет со своей бабкой. Как мимо иду, завсегда окатит. Хотела, наверно, познакомиться.

Иной хозяин и собаку в такую погоду со двора не выгонит, а Горбатый лишь дал горсть табаку:

– Продашь на базаре, – говорит. – Увидишь там похожего на меня армянина и продашь ему. Табак хороший.

– Такого второго армянина больше нет, – ответил я

и ушел, чувствуя себя царевичем, которому приказали идти туда, не зная куда.

Мир не без добрых людей, но мало их осталось. Не спал бы я трое суток под забором заколоченного дома.

Утро здесь не как у нас. Выкатывается солнце, зеркалом заблестит Узень, поплывут на корм в камыши гуси. И тают тени. А в городе даже тени долго не тают, и сразу вылезешь на солнышко из подворотни, чтобы отогреться. Холод за ночь достает до хрящей спины.

Картинка вторая

Волжанка

– Вылезай осторожней, в доске гвоздь торчит, – подала мне руку девчонка. Стрижка как у меня, но одета лучше, и в ушах кольца. Чтобы не выглядеть совсем тюфяком, я достал из кармана огромный гвоздь, который заточил до остроты шила еще дома.

– Вот гвоздь, а это проволока.

– Зачем такой огромный и острый, как шпага? – изумилась она.

– Быков я им убиваю на нашей фирме.

– Тореадор?

– У меня красного плаща нет, – ответил я: знай, мол, наших, не лаптем щи хлебаем и не лыком шиты. Девушка сразу догадалась, что сбег я из дому.

– Почему, говорит, в подворотне спишь? Весь чумазый и в рванье.

Обиделся я на свою долю и гаркнул:

– Нищий я. Не видишь, буржуйка. Остались в деревне еще бедней. Катись колбаской, мне хлеб добывать надо.

Она взяла меня за руку:

– Успокойся. Конечно, это непорядок, когда хлебороб ищет кусок хлеба. Что-нибудь придумаем. И никакая я не буржуйка, даже не печка, – улыбнулась она, показав на щеке ямочку. Если бы не эта ямочка...

– Я волжанка, – продолжала она, – живу на реке вместе с папкой. Он бакенщик, есть еще такая профессия.

Через некоторое время я помогал ее отцу зажигать на мелководье бакены, ловить рыбу. Харчей было много, люди хорошие. Может, и остался бы с ними, да и работа, только грести немного веслами, без излишних перегибов, как говорил наш пастух дед Пахом, но простился я и ушел. Зажигая фонари, не добьешься ничего заметного в жизни. Это я усек. Прочно впиталась в меня красота волжских закатов и зорь, и, казалось, я бегал к бакенам босиком по волнам, как по ступеням, а не плыл туда на лодке. И понял я: могучей и богаче матушки-Волги ничего на свете нет. Даже рыбины мне казались серебряными, а сама Волга транспортером жизни.

Проплывающие пароходы, говорят, всех манят. А меня не просто манили, а тащили канатом буксиры.

И я встретился с капитаном на набережной Волги. Как ту-

да попал, отдельная картинка. Было трудно и даже очень. Как комары на Узене досаждали менты. Убегал и удирал от них столько – даже коленки перестали сгибаться. Но будя.

Картинка третья

Отстегнутая нога

Я сидел на парапете набережной и плакал. Никто об этом не догадывался: порывы ветра приносили сюда брызги волн. Гуляющие здесь барыни прикрывались от них зонтиками и громко смеялись, привлекая к себе внимание. А вот и он в белой форме, с золотым орлом на фуражке.

– Чего распустил нюни, мужичок с ноготок? – Юнгами на кораблях не старше ходят. А ты, рева – корова, – вытер он мне лицо носовым платком, от которого пахло всеми цветами лета.

– Возьмите меня, дядя, юнгой. Помру я один в этой жизни, – слишком мудрено сказал я.

А знаешь, мамочка, лучшие люди на земле – это моряки. Он только спросил, сколько я окончил классов. Я ответил – семь.

– Маловато, надо бы восемь, – засмеялся он и повел меня на теплоход.

Мы с юнгой Васей не только убираем палубу, но и учимся. С нами занимаются все – от капитана до его помощников, даже штурвал доверяют.

Лучшим моим другом стал старший кок. Я его называю дядя Демьян. Оказывается, мама, ты прокисшее молоко не выливала, а делала из него оладьи. Дядя Демьян многому научил нас с Васькой, и мы сами варим флотские макароны. Бывают, мама, в жизни случаи, которые никогда не сможешь забыть. Проплывали мы мимо песчаного плеса, где я помогал бакенщику. И увидел я на лодке волжанку, машущую нам рукой. Вырвалось из груди сердце, рванулось по моим следам на волнах к далеким бакенам. А в душе застыла тоска. Потом понял я, в чем мое отличие от дерева – оно не может любить.

Хочу, мамочка, сказать тебе, что первый шаг к мечте я сделал: поступаю в мореходку на подготовительное отделение. Договорился об этом с училищем наш капитан. Недавно пришел я к нему в каюту, а он сидит там с одной ногой, другая приставлена к перегородке.

– Принеси-ка ногу, юнга. Пристегнуть ее надо. У меня, – говорит, – все члены пристегиваются. – И улыбается.

– А как же вы в речном флоте? – глупо спросил я.

– Хотел стать моряком: дальние страны, впечатления, но...

Потом мне сказали, что капитан вынес из горящего дома ребенка, а вот сам не уберегся, сгубил ногу.

Но я буду мореходом. По большим волнам, в большую жизнь.

Вот уже и вечер. За бортом буруны, словно кипит вода.

Небо у горизонта за рекой кажется разрезанным, и из раны сочится кровь. Это у меня, мама, настроение такое. Завтра уезжаю в училище. А ребята остаются, остается на теплоходе и часть моего сердца. Поэтому, наверное, и живем мало, разбрасывая в любимых уголках себя частицы.

Приписка. Прочитав это письмо, капитан мне сказал, что не в мореходку мне надо, а в литературное училище. Но я думаю, сначала в мореходку. Писать завсегда можно.

Передай, мама, привет моей ветле и поцелуй за меня Узень. Чем умнее мы становимся, тем тяжелее без них. А без тебя еще душнее.

Как сложится моя судьба дальше, опишу в другом письме. Наверное, тоже с картинками. По-другому я не могу, само нутро двигает ручкой.

На первом листке есть дырка – это от слезы. Такая она горячая, мама. Ты уж прости. Я люблю тебя.

Твой навеки и сердцем и душой сын Петя.

Слеза работа

Впереди – пропасть, позади пустыня, значит смерть. Справа и слева – словно басмачи в белых папахах неприступные горы.

– Что будем делать, Робин Гут? Ты у нас ходячий компьютер, оцени обстановку, – спросил Петр.

– Приплыли. Вот и ответ на вопрос, кто ценнее: человек или робот. Вам нужны вода и пища – их нет, мне – солнце для батарей – его полно.

– Не ерепенься, говори, что делать, а то Светлана, вон, пригорюнилась. Так выглядела, когда ты задержался в море, собирая для нее жемчужины.

– Мне приятно делать ей подарки.

– Словно на канате за ней тянешься. Да, и она не отрывает от тебя взгляда. Я рядом с тобой пугало, хотя среди людей вполне симпатичен, если бы не нос.

– Поэтому Светлана называет тебя журавлем?

Цаплем она называет меня. Это, естественно, лучше, чем цаплей, подчеркивается мужское начало, но в это время чувствую щелчок по носу.

– Возможно, она к тебе равнодушна? Ты душой прекрасен, вытащил из беды начальника, который тебя выгнал с работы.

– Не хвали, я ощутил удовольствие от того, что он стал

заикаться.

– Теперь начальник делает доклады под фанеру, успевает разгадать подборку кроссвордов.

– Светлана – научный работник, изучает возможности развития духовной жизни роботов в экстремальных условиях. Когда ты подарил ей на день рождения цветок папоротника, я подумал: случилось невероятное, и ты полюбил. Оказалось, цветок бумажный, что не сразу определишь, так искусно он был сделан.

– Наш садовод подвел, продал мне его. Знаешь, он кто? Бывший матрос, земли не видел годами. Вот и наловчился делать искусственные цветы. Еще кричит: «Водой не поливать, руками не трогать». Говорят, когда водолазы подарили командиру корабля букет подводных цветов, матрос случайно помял их и сделал копии. Командир подарил букет жене: «Вот тебе, дорогая, цветы от Посейдона, запах специфический и неповторимый». Жена принялась: «Действительно, дорогой – специфический, как на нашем бумажном комбинате».

– Наказали матроса?

– Чтобы не зарывался, проткнул ему мичман кортиком мочку уха, потому и серьгу носит. Именно садовод надоумил меня подарить Светлане цветок папоротника. А давай, Петр, проверим, к кому из нас она благосклоннее, чтобы не гадать? Скажем, что спасение есть, но ценой смерти одного из нас.

– Не занимайся пустословием, в чем спасение?

– Надо перепрыгнуть ущелье и закрепить трос, по которому переберутся остальные.

– Что? Я прыгал максимум на четыре метра, в молодости. Недавно сиганул через лужу, но долетел до середины и упал на потеху зевакам. Одобрительно хрюкнула лишь развалившаяся рядом свинья.

– А у меня прыжки в длину вообще не запрограммированы, только в высоту. Захотел однажды перескочить дорожку и взлетел на балкон, где загорала девушка.

– Голая?

– Она лежала на спине и казалась роботом, поэтому я спросил, какой она серии, так как у нее очень красивые формы. Девушка засмеялась. Это была Светлана.

Узнав об их решении перепрыгнуть пропасть и возможных последствиях, девушка задумалась.

– Вы равноценны, – наконец, сказала она, – один полуробот, другой получеловек. Прыгать буду я. – И, разогнавшись, взлетела над пропастью.

– Ух! – выдохнули оба.

– Бросайте трос, кавалеры, – она стояла на другом конце пропасти, похожая на греческую богиню, такая дорогая и желанная. Петр увидел слезу, выкатившуюся из глаз робота, и то ли закричал от изумления, то ли более разряженным стал воздух, но рот у него открылся. Свершилось? А может быть, это роса? Вон, какая туча пришвартовалась к утесу. Но почему согнулись коромыслом ноги? Так тяжела потеря?

И этот нос...

– Цапель, – раздалось с другой стороны пропасти, – мир спасет не красота, а любовь, помни об этом над пропастью.

Обменялись опытом

Щеки – на столе, плечи – шире стола, таким был новый глава администрации. До него в кресле могли уместиться два прежних главы – они были тонкими и длинными, неприлично возвышаясь над стоявшими посетителями. Над головой висел плакат: «В здоровом теле – здоровый дух!» Он заменил старый: «Мне сверху видно все, ты так и знай!»

С плаката улыбался хряк-производитель, что вызывало разные ассоциации. «Словно на свиноферме побывали», с такими словами выходили из кабинета не только граждане, но и работники администрации. Глава раньше занимался свиноводством и решил продолжить дело в рамках всего района. Начальство считало такое новшество причудой, но свинины в губернии было мало, и смирились: все же дело, не курлыкание, как у прежних глав, похожих на журавлей.

– Родимый, помоги, стенка дома расщелилась, живу в сарае, – просит женщина.

– Родимая, – словно хрюкнул глава, – поможем, денег в бюджете нет, дадим поросенка с фермы. Взрастишь его, получишь доход и стенку поправишь.

– Маловато будет.

– Возьми два поросенка, сарай-то большой?

– Большой.

– Три возьми. Свинья всем поможет. Видишь, хряка, слов-

но живой он. Иногда говорю с ним, и неадекватное становится адекватным.

– Может, тебе, родимый, пол помыть? Запах больно спертый. Словно и вправду живой хряк.

– Ты, как секретарша моя, морщишь нос, толерантности в вас нет.

– А у тебя ее столько, что дышать нечем.

– Привык я, в чистом воздухе, наоборот, задыхаюсь. Индивидуум.

– А как же я буду в сарае с тремя чушками.

– Не гастарбайтер, вытерпишь.

Заходит в кабинет девушка, кровь с молоком, носик пятчком.

– Вот к вам со студенческой скамьи. Какой у вас одеколон приятный, с улицы – не надышишься. Распылителем пользуетесь?

– Сам распыляю, привык на ферме, хрюшки толерантные.

– Знаю, сама свинаркой работала.

– Свинаркой?

– Не помните? Я Аксинья дочь Клавдии, у вас практику проходила.

– Сразу бы говорила. Узнаешь хряка Володьку?

– Это он? Какой красивый, как живой.

– Ты насчет работы?

– Да, хочется на ферму, к свиньям, отрасль очень скоро-спелая.

– Я всегда говорил, пример бабам всегда с них надо брать, никаких демографических проблем.

– Если бы мужики на вас походили, а так – вроде в штанах, а без доброго семени.

– Ты мне нравишься, и обонянием, и задом крутишь не хуже других. Секретаршей ко мне пойдешь?

– Завлекала уже, чего там. С таким мужиком...

– Ладно, ладно. Чтобы меньше было недовольных, разрешим заходить в кабинет в масках, не бегать же мне каждую минуту в туалет.

– Правильно, Борис Борисович, и в целях занесения вирусов гриппа, хоть свиного, хоть куриного.

– Вот что значит начинать со свинофермы, какой подход креативный к проблеме. Ты и раньше умом отличалась. Когда смешала семя всех хряков – производителей, ни одна свиноматка не оставалась без поросят.

– Под вашим руководством.

Раздался звук, похожий на хрюканье.

– Прости, ты своя: терпел, терпел.

– Терпеть вредно. Свиньи никогда не терпят, вот и растут как на дрожжах.

– Ты права, по себе чувствую. Следующего примем вместе. У тебя прическа под щетину, значит, и ум не короткий.

Втискивается человек – шкаф.

– Здравствуйте.

– Вам-то чего надо, вроде – в теле, в новых ботинках.

– Я сам глава, по обмену опытом приехал. Говорят, у вас хряк на стене, а воняет – не дохнуть, и это правда. Второе меньше стало ходоков, что является главным критерием оценки работы администрации. Как вы этого добились? Мы сократили до часа время приемов, а ходоков стало второе больше. Я фотографии всех животных на стену вешал, а бес-толку. Ходоки, в основном, женщины, прут и прут.

– Женщины? Тогда просто, – вставила Аксинья. – Как секретарь Бориса Борисовича и как ветеринар по специальности, посоветую повесить на сцену напротив двери снимок жеребца, готового к случке, ну, вы понимаете. И половина ходоков улетучится. Даже мне бы стало неловко, а я в институте видела разных жеребцов.

– И человеческих, – захрюкал местный глава.

– Как просто. Где ты, Борис Борисович, нашел такую симпатичную девушку – я сначала подумал наряженная свиночка. Мне б такую. У моей секретарши под каждой ягодицей по стулу, лет двадцать так сидит.

– Интересно, посмотреть бы, – снова хрюкнул местный глава.

– Необязательно, и мы так можем, если стулья сдвинуть, – Аксинья повернулась, и главы подумали, что, может быть, она и права.

Главы долго обменивались опытом, пили водку из фужеров и оба поглядывали на Аксинью все с большим интересом.

Петух-то в чем виноват?

- Куда идешь, Евдоким, с топором, лезвие отточил – бриться можно?
- Петуху голову отрублю на хрен, не разбудил сегодня, я и проспал, жена, Зинка, одна перла со станции баул, набитый памперсами. Пока дотащила, сама три израсходовала.
- Комедия, прям.
- Вместо палатки им пользуюсь.
- А зачем столько памперсов? У многих, наоборот, запоры.
- Скоро разжижимся, овощи в сельпо завезли китайские, а после них сам знаешь какой бывает стул.
- На пестицидах выращивают.
- Хрен знает на чем, а дристать нам. Вот Зинка и запамперилась.
- Петух – то в чем виноват?
- Я на него зол. Орет часа на два раньше, и одну рябу только топчет, другие куры ни одного цыпленка не вывели.
- Как и ты, он однолюб, гордиться надо, а не голову рубить. Лишь раз ты огорчил Зинку, помню, как она тебя лупяздила скалкой за Анку кривую, а ты только с ней постоял у забора.
- У Анки глаз кривой, а шесть мужей было.
- Причем тут глаз: на ее заду мы оба с тобой уместимся.

– У моей Зинки не уже.

– Прикольно, если их задами смерить.

– Тебя между ними сунуть, так, не дыхнешь.

– Если налопаются, а петуха не трожь. Президент виноват, он расширил часовые пояса.

– А кто кур будет топтать?

– Каждая вторая баба одна живет, ничего. Подумаешь, куры? Другого петуха купи. А этот со своей рябой, как и ты с Зинкой, олицетворение крепкой семьи.

– Зря тогда топор точил?

– Почему, зря? Рискни хоть раз в жизни, иди поколи дрова соседке, одинокая она, будет рада помощи: десять лет без мужа.

– Скока?

– Десять уж минуло, как скопытился Кондратий. Конем его звали. Хилым был, но все время ржал. Скажешь ему, здорово, Кондратий. Ио – го – го! – ржет. Как твоя кобыла, не понесла еще? Снова: ио – го – го! Поговаривают, кто так ответит ей, затащит на гумно. Что тебе стоит так заржать и расколоть два – три чурбана?

– Свой бы чурбан Зинка не расколола. Соседка ей же и похвалится: с детства вместе на прутиках носились по деревне.

– Вот и стали ведьмами.

– Твоя Варька, не лучше. Обварила тебя кипятком за близняшек, которых ты в тракторе катал, потом сама на себе волосы рвала, мошну твою сварила вкрутую. До сих

пор ходишь меринком.

– Отпускает понемногу, своей не говорю, ну, ее, меньше контроля. Близняшки, как две ивы, прижмутся, трактор не глушу. И соседка твоя тоже не липа. Давай, чего боишься с топором? Всегда можно сказать, что рубил дрова.

– И то, Пахом, правда. Может, сразу через плетень махнуть, она вчера мне подмигнула.

– Я всегда, Евдоким, считал, если эпилог есть, роман будет.

И ведьмы шутят

Ведьма вылетела из трубы, попав в крону нависшего над крышей цветущего тополя. Пух особенно крепко цеплялся за сажу на лице: начнешь стряхивать – превратишься в десантника. Вон, один из них, Мишка, лежит в лопухах у забора. Из армии пришел месяц назад, а пьет и размазывает лицо каждый день. Перед кем выпендривается? Машке за тридцать. Сама вместо воды наливает в самовар самогонку. Больше девок нет, да и одиноких баб. Одни сестры Кулевы. Что считать Дарью, как репей к Кузьмичу одноногую прилипла. Говорит, у него оторванная нога отрастает, только без ступы. Другие грамотой не лучше. Пахомычу – за девяносто, а «ишо жаних», каждый год сватается к приезжающей на лето в деревню Татьяне Львовне. У нее двести килограммов веса и соответствующая одышка: только охает и ахает, что, видимо, возбуждает Пахомыча. А памяти у него нет вообще. Приезжие хохмачи расплачиваются с ним за продукты старыми деньгами. Сколько он их скопил под матрацем?

Разыграть некого. В соседней деревне есть свои ведьмы, еще заставят мести конюшни, если прилетит к ним. Хоть с десанником шути.

Тормошит его:

– Просыпайся, пора в поход.

– Ты кто? – таращит он глаза.

– Как кто? Не видишь – твоя напарница. Сейчас в аду будем гонять чертей, зажрались они у своих котлов.

– А если они депутаты?

– Кто бы их выбирал, да и Чуров пока концы не отдал. Надевай берет – больше испугаются.

– Да, я не десантник, в хозвзводе служил, у меня и в военном билете записано, что плотник.

– А почему мажешь лицо, носишь берет?

– Машке мозги пудрю.

– У нее же нет мозгов.

– И правда, давно б раскусила.

– Ладно, не сдам тебя, но за это перекроешь мне крышу дома, как наступлю, разваливается.

– Это мы легко, тес давай, да гвозди.

– Я ведьма, а не лесопилка, сам все найдешь, не то килу наставлю, будешь ходить в раскорячку.

– Не надо, только не килу. Сам ножовкой доски из бревен напилю, – испугался Мишка.

– Ладно, десантник хренов, попей чайку у Машки и за работу.

Настроение стало лучше, и она опустила в дворе дома Натальи Львовны.

– Все гнешь скамейку, а твоего Пахомыча сестры Кулевы обхаживают, уведут у тебя жениха.

Что тут произошло, видели бы вы?

– Ох, – охнула Татьяна Львовна, поднялась на дрожащие

ноги и побежала (как протиснулась в калитку?) к дому Куле-
вых. Что делает ревность? Татьяна Львовна стала произно-
сить слова даже на бегу, да какие: «глаза выцарапаю, пасть
порву...» Потом ее везли от Кулевых на телеге.

– Сколько за свинью возьмете? – спросил приезжий заго-
товитель.

– Так, бери даром, – засмеялись Кулевы.

– Не отдам, – подбежал Пахомыч, – это моя свинья, я
на ней жанюсь.

У заготовителя выпучились глаза:

– Старик, на свинье? Или у вас такая традиция?

– Десять лет я к ней сватаюсь, – добавил масла в огонь
Пахомыч. Все загалдели, а ведьма быстро на метлу и во двор
к Кузьмичу. Он строгал из березы деревянную ногу.

– А Дарья говорила, что у тебя новая нога растет, только
без ступы, – заводит его.

– То растет, то не растет, а эта еще в березе выросла. Вот,
сделал, чтобы гнулась, но скрипит стерва.

– Теперь тебе к Дарье не шастать, и скрип твой не услы-
шат. Уезжает она, нашла себе молодого в городе. Случайно
узнала. Вон, идет к тебе прощаться, полечу я, не до меня вам
будет, – а сама на тополь и смотрит.

– Значит, хочешь ноги сделать? – сказал Дарье Кузьмич.

– Хотела, когда ты еще лежмя лежал, помнишь, здоровую
ногу подвернул? Одной, которая без ступы, только и шеве-
лил.

– Теперь со ступой нашла?

– Так, без ступы, как будешь ступать – то? Вот в город еду, сюрприз тебе сделаю.

– Ни хрена себе, сюрприз? Врала-то как: одноножик мой, тьфу.

– Скрип твой надоел.

– Ну, и катись к черту, колода дырявая. Едет она в город.

– Кому ты кроме меня нужен-то.

– Хочешь сказать, других баб нет? Забыла про ведьму?

Прилетала уже, намекала на твой сюрприз.

– Посмотри на себя, скороход несчастный. Скрипи – не скрипи – больше не пущу. Хотела протез ему в городе купить, а он культяпится, – повернулась она и ушла.

У ведьмы стало на душе радостнее: сделала сегодня три пакости. А в ушах звучали слова Кузьмича про то, что ведьма тоже баба. «Ведь и правда!» – и она крепче сжала ногами черенок лопаты.

Под боком у Иргиза

Запах скошенного на лугу разнотравья доносился до конюшни, попадал в ноздри стоящего там жеребца, и хотелось ему поноситься по туманным разливам Иргиза, разбивая на осколки хрустальный воздух, и потягаться в скорости с ветром, сгибающим до земли молодые прибрежные деревья. Это был Гром, сын республиканского рекордиста Буяна, завоевавший два именных приза, а денежных – не сосчитать.

Вот и завтра должны состояться скачки, но о них позаботится его наездник и старший тренер Мельников, главное – победить, на кону – миллион рублей. Они с тренером неразлучны, вместе купаются в Иргизе, вместе носятся по большой и малой беговым дорожкам ипподрома, иногда засыпают вместе: Гром – в стойле, тренер – в кормушке, когда переберет лишнего после удачных бегов или скачек.

Старший тренер отвечает за всех лошадей, но Гром у него любимчик, они даже понимают друг друга.

Однажды на конеферму попала дочка знаменитых родителей четырехлетняя кобылка Дымка, он влюбился в нее. Тренер часто выпускал их вместе в пойменные луга на разнотравье. У них теперь есть собственный сын жеребенок Витязь. Быстроногий, не отстает от родителей, когда, распустив гривы, они мчатся по степному водоразделу.

– Зачем выпустил Грома, Александр, а если поранит но-

гу перед скачками? – с укором сказала Мельникову ветврач Уколова. – Вон как бесится.

От Иргиза доносились ржанье и топот копыт резвящегося коня.

– Все будет путем, – ответил тренер, а про себя подумал. вот и решение вопроса. Надо пустить слух, что Гром слегка поранил ногу, и теперь, мол, ни о каком призе не может быть и речи, достаточно, чтобы узнали об этом первая сплетница в деревне бухгалтерша Неелова и участники забегов с других конеферм, повалят со всех концов претенденты...

Ипподром в форме двух приставленных друг к другу гигантских подков прижимался одним боком к лесопосадке, другим – к Иргизу. Сделали бы его еще больше, в степи места хватит, но зачем, беговые дорожки близки стандартным.

Они шли на ферму рядом, говорил тренер, но Гром, кажется, понимал все.

– Тебе надо похромать только до старта, – убеждал тренер, – а дальше расправляй гриву и лети как на крыльях. Для убедительности я тебе ногу бинтом перевяжу – это усилит впечатление.

Конь тряхнул головой, соглашаясь, и весело заржал, только мускулы перекатывались под бархатной кожей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.